

ИСТОРИЯ РОССИИ

А. В. Сиренов

ЛЕГЕНДА О ТОРОПЕЦКОЙ ИКОНЕ БОГОМАТЕРИ*

Скудость и лаконичность древних источников по домонгольской истории Руси побуждает исследователей обращаться к традициям позднего Средневековья и Нового времени и искать в их текстах известия, относящиеся к раннему периоду отечественной истории. Отказаться от такого сомнительного с источниковедческой точки зрения пути зачастую невозможно. Это значило бы, что мы отказываемся от объяснения и постижения важнейших событий прошлого нашей страны. И все же не критическое обращение к поздней историографической традиции может обернуться подменой в нашем сознании реального прошлого всевозможными вымыслами и фальсификатами.

Историки русской церкви и искусствоведы неоднократно упоминали и описывали замечательный памятник церковного искусства — чудотворную икону Богоматери Торопецкой. До 1921 г. эта икона находилась в соборной церкви г. Торопца, потом до 1936 г. — в Торопецком краеведческом музее, а затем поступила в Русский музей, где хранится и сейчас¹. Внушительный по размерам (82,5 х 60,3 см) образ Торопецкой Богоматери Одигитрии, по оценке искусствоведов, наиболее близок к иконам псковской школы XIV в.² Однако существующая легенда о его происхождении существенно противоречит такой датировке.

Впервые историю Торопецкой иконы изложил священник торопецкой Покровской церкви П. Иродионов в изданном им в 1778 г. очерке истории г. Торопца. Там читаем: «1239 года он же, Ярослав, в городе Торопце сына своего князя Александра Ярославича (который после назван Невским) свадьбу торжественно отправил, взяв ему в жену дочь князя полоцкого Брючиславу, которая, как сказывают, принесла с собою образ Пресвятыя Богородицы Ефесския и оставила оный в Торопце, где и ныне находится в Богородичном соборе, почитаем чудотворным и проименован Корсунским»³. Здесь мы встречаем, во-первых, ссылку на устный источник («как сказывают»), а во-вторых, два разных взаимосключающих наименования иконы: Эфесская (т. е. происходящая из малоазийского города Эфеса) и Корсунская (т. е. происходящая из Херсонеса Таврического). Некоторую ясность внес М. И. Семевский, уроженец г. Торопца, посвятивший его истории свою первую книгу: «В Степенной книге любопытные могут найти историю этой иконы. Ею благословил греческий император Мануил полоцкую княжну Ефросинию в 1170 году. Икона находилась в Ефесе и Корсуне (и Херсоне), по преданию, она писана евангелистом Лукою. Княжна Прасковья, жена Александра Невского, была внукою Ефросиньи Полоцкой»⁴. Получается, что Торопецкая икона в 1170 г. из Эфеса была привезена в Полоцк,

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ-Санкт-Петербург № 08-01-95335а/Пч
© А. В. Сиренов, 2009

а оттуда в 1239 г. — в Торопец. Неясным представляется только указание М. И. Семевского на пребывание иконы в Херсонесе (Херсон здесь указан либо ошибочно, либо как другой вариант названия Херсонеса в средневековье). Видимо, оно проистекает из попытки объяснить второе название иконы — Корсунская. Упомянул М. И. Семевский и рукописный сборник из библиотеки торопецкого собора, посвященный чудотворной иконе. Подробнее об этой рукописи написал в своем труде настоятель собора В. Д. Щукин. Самым замечательным произведением торопецкого сборника следует считать «Чудо Торопецкой иконы» об избавлении Торопца от поляков в Смутное время. Это повествование В. Д. Щукин опубликовал почти полностью. Кроме того, он привел заимствованное из полоцкой краеведческой литературы второй половины XIX в. предположение, что перед захватом Полоцка войсками Стефана Батория в 1579 г. монахи основанного Евфросинией Полоцкой монастыря перенесли Эфесскую икону в Торопец⁵. Отметим, что это предположение, которое В. Д. Щукин неоправданно называет «преданием, сохранившимся в Полоцке», могло появиться под влиянием трудов П. Иродионова и М. И. Семевского, поскольку фигурирует в книге, изданной в 1888 г. Более обстоятельно легенду об иконе рассмотрел другой торопецкий краевед И. Побойнин. Он обратился к хранившемуся в торопецком соборе рукописному сборнику и отметил, что «составитель сборника вздумал разрешить интересовавший всех вопрос о времени перенесения иконы из Полоцка и, делая касающиеся истории Торопца выписки из Степенной книги, совершенно произвольно позволил себе в одном месте этого сборника (л. 67) сделать вставку»⁶. Исследователь сопоставил текст Степенной книги с выписками из нее в составе торопецкого сборника. Оказалось, что при описании женитьбы Александра Невского в сборнике упоминается отсутствующее в Степенной книге известие о принесении из Полоцка невестой Александра Эфесской иконы⁷. И. Побойнин указал и на отсутствие каких-либо упоминаний об иконе или посвященной ей церкви в Писцовой книге 1540 г. Источники XVII в. икону знают, но называют ее не Эфесской, а Корсунской. Вывод, сделанный исследователем из приведенных данных, обескураживает. По мнению И. Побойнина, легенду о принесении иконы из Полоцка следует признать достоверной. Неправильно лишь относить это событие к 1239 г. Ученый отдает предпочтение «полоцкому преданию» о перенесении иконы в 1579 г. То обстоятельство, что икону в XVII в. называли исключительно Корсунской, получает следующее объяснение, которое трудно счесть удовлетворительным: «в старину корсунскими назывались привезенные греческие иконы, в домонгольское время „корсунская“ значило „хорошая“»⁸. Такой вывод в изучении легенды о Торопецкой иконе вполне согласуется с историографической ситуацией дореволюционного периода: данные легенды неаргументированно приводили в своих трудах митр. Макарий (Булгаков) и авторы многочисленных церковных изданий⁹.

Новая волна исследовательского интереса к Торопецкой иконе связана с ее реставрацией в мастерских Русского музея. К 60-м гг. XX в. древняя живопись иконы была, наконец, «раскрыта» из-под позднейших записей. Проведенное в рентгеновских и инфракрасных лучах исследование позволило получить представление о технических особенностях живописи. Г. И. Вздорнов указал ближайшие аналоги Торопецкой иконы — памятники псковской иконописи XIV в., вследствие чего исследователь включил рассматриваемый памятник в число псковских икон XIV в.¹⁰ Эти наблюдения были повторены и развиты в статье В. К. Лауриной¹¹. Таким образом, в настоящее время можно утверждать, что Торопецкая икона по стилю и техническим особенностям ближе всего находится к псковской иконописи XIV в., и нет оснований датировать ее другим временем¹².

В 90-е гг. XX в. к исследованию Торопецкой иконы обратилась И. А. Шалина. Ее статья представляет собой попытку примирить все существующие противоречия относительно атрибуции и истории бытования иконы. И. А. Шалина признает, что икона датируется XIV в. и была написана псковским мастером. В то же время исследовательница склонна доверять легенде о Торопецкой иконе, т. е. она отождествляет Торопецкую икону с Полоцкой Эфесской. Вслед за И. Побойниным И. А. Шалина отвергает историю о принесении иконы из Полоцка в Торопец невестой Александра Невского и полагает, что икона была принесена в Торопец позже, перед завоеванием Полоцка войсками Стефана Батория в 1579 г. В Полоцке же, по мнению И. А. Шалиной, и была написана эта икона как копия древней Эфесской, что произошло в 40-е гг. XIV в., когда Полоцк и Псков находились в подчинении литовского князя Андрея Ольгердовича, т. е. фактически входили в состав одного государственного образования¹³. И даже явно недостоверному с ее точки зрения известию легенды (о принесении иконы в Торопец невестой Александра Невского) И. А. Шалина дает объяснение, считая ее источником историю Федоровской иконы Борома матери, заказанной, согласно предположению С. И. Масленицына, князем Ярославом Всеволодовичем в 1239 г. к свадьбе Александра Невского¹⁴. Несмотря на то, что статья И. А. Шалиной содержит ряд ценных наблюдений¹⁵, ее основной тезис представляется малоубедительным. Торопец — город, издревле тяготевший к Пскову, а потому в нем в средневековье вполне могла появиться икона псковского письма. Это менее объяснимо для Полоцка, находящегося в другом культурном регионе. Чтобы предпочесть иную ситуацию (псковская икона из Полоцка случайно попадает на псковщину), нужны веские аргументы. В данном случае единственным источником оказывается легенда, известная по рукописи XVIII в. из собрания торопецкого собора. И. А. Шалина считала рукопись утраченной. И действительно, в послереволюционное время об этой рукописи нет никаких упоминаний. Пропавшую рукопись обнаружила А. А. Романова в собрании петербургского коллекционера Колобова в РНБ и ввела ее вторично в научный оборот¹⁶. Таким образом, сейчас мы имеем счастливую возможность обратиться к источнику рассматриваемой легенды непосредственно.

Этот сборник¹⁷, датированный серединой XVIII в.¹⁸, включает тексты о почитании Торопецкой иконы Богоматери: службу Богородицы Одигитрии (л. 1–30), Сказание о чуде иконы Торопецкой Богоматери в Смутное время (л. 31–56 об.), выписку из Жития Нила Столбенского о чудесном исцелении от Торопецкой иконы и мощей св. Нила (л. 57–58 об.), выписки из Степенной книги об истории Торопца (л. 58 об. — 70) и запись о жалованных грамотах торопецкому собору (л. 71–71 об.). Рукопись дошла до нашего времени в плохой сохранности. Видимо, при изготовлении чернил была превышена доля железа, и чернила к настоящему времени во многих местах «прожгли» бумагу насквозь так, что отдельные слова не читаются. Впрочем, эта проблема существовала уже в XIX в., поскольку над некоторыми из таких слов почерком того времени написано их предполагаемое значение. Обратим внимание на приписки к основному тексту рукописи, сделанные почерком XIX в. На свободных от основного текста листах в конце рукописи разными почерками сделаны записи об исцелении от Торопецкой иконы в 1826 г. (л. 72–72 об.), молитвы Пресвятой Богородице (л. 74–74 об.), запись об эпидемии холеры в 1831 г. (л. 75–76). По-видимому, эти приписки не одновременны. Кроме того, можно думать, что основной текст рукописи был написан не в один прием. Так, завершающий повествование о чуде Торопецкой иконы в Смутное время сюжет с пожалованием на престольного креста написан более убористо, чем предыдущий текст, и занимает как раз часть страницы до следующего текста,

написанного также более размашисто. Видимо, это известие писец рукописи вписал, когда основной текст был уже готов. Отсюда следует, что рассматриваемая рукопись представляет собой не копию более раннего протографа, а оригинальный, составленный автором рукописи сборник. В Чуде Торопецкой иконы в Смутное время читается ссылка на «графову историю», в которой идет речь о захвате турками Константинополя. Идентифицировать эту «историю» пока не удалось, но несомненным является тот факт, что она относится к XVIII в.¹⁹, а это, в свою очередь, указывает на создание данного текста в XVIII в.

Для нас в сборнике наибольший интерес представляет повествование о появлении чудотворной иконы в Торопце. Оно имеет следующее название: «История от древних летописцев о граде Кривите, иже Старая городища, и обывателех того кривичех и до преселен на острова реки Торопы, и по той проименован град Торопец, где ныне имеется образ Пресвятяя Одигитрии Ефейский третей, писан святым апостолом Лукою евангелистом и проименован ныне Корсунский, выписано из радословной Степенной книге» (л. 59 об. — 60). Здесь прямо указан источник — Степенная книга. В соответствии с этим указанием в дальнейшем тексте встречаются ссылки на отдельные разделы Степенной книги. Сам текст действительно представляет собой выписки из соответствующих глав Степенной книги: из 2-й, 3-й, 41-й глав I грани (в рукописи эта грань ошибочно названа 10-й), 11-й главы V грани, 1-й главы VII грани, 2-й главы VIII грани и 6-й главы XVII грани.

В XVIII в. Степенную книгу нередко привлекали для создания местных историй. В Торопце и его округе бытовали списки (таковых известно три) довольно редкой разновидности текста Степенной книги²⁰. Самый ранний из них, РНБ, СПбДА А-1/91, содержит запись о написании его в 1720 г. Другая запись, более позднего происхождения, свидетельствует о том, что в середине XIX в. рукопись принадлежала торопецкому мещанину. После Степенной книги здесь помещены Первое послание Курбского Ивану Грозному, письмо Тетерина и Сарызохина боярину М. Я. Морозову, Первое послание Ивана Грозного Курбскому хронографического вида 2-й пространной редакции и текст Хронографа редакции 1617 г. (главы 162–169) с перестановками некоторых разделов и заимствованиями из Иного сказания. Такой же состав имеет другой список, первый том которого происходит из собрания И. П. Сахарова и ныне хранится в собрании Н. М. Михайловского²¹, а второй том, хранящийся в Государственном архиве Тверской области²², содержит запись скорописью XVIII в. о принадлежности помещице Елизавете Михайловне Татищевой. Как известно, одна ветвь рода Татищевых, к которой относится и знаменитый историк, в XVIII в. проживала в Псковской губернии, к которой в то время относился и Торопец. Третий список²³ был подарен в Торопце М. И. Семевскому в 1863 г. Он не содержит никаких дополнений к основному тексту Степенной книги, но в остальном идентичен первым двум спискам.

По-видимому, все три списка связаны между собой, т. к. содержат малораспространенный в рукописной традиции Степенной книги текст Томского извода Краткой редкции, т. е. восходят к Томскому списку. Томский список — первая по времени беловая копия черновика Степенной книги (ныне — Томский областной краеведческий музей, 7903/2). Есть основания полагать, что он был написан в 1563 г. и вручен самому Ивану Грозному. Во всяком случае, именно Томский список использовали царские книгописцы при составлении Лицевого свода²⁴. Во время митрополита Филиппа Колычева, т. е. в 1566–1568 гг., в тексте Томского списка были сделаны приписки о сроках святительства митрополитов. О. Д. Журавель отметила, что рассматриваемые приписки Томского списка выполнены пятым почерком Чудовского списка²⁵. Торопецкие списки этих приписок не содержат. Трудно представить, что копия Томского списка — протограф группы торопецких списков — была

сделана в то время, когда приписки уже существовали. В таком случае нужно было тщательно исключать при копировании Томского списка текст приписок, что сделать было бы непросто, поскольку они равномерно распределены по всему тексту Степенной книги (приписки относились к началу каждой из 17-ти граней). Вероятнее предположить, что протограф торопецких списков был сделан до появления приписок, т. е. в 1564–1568 гг. Однако в Торопец рукопись такого содержания могла попасть и в более позднее время. Активное обращение к ее тексту относится к XVIII в., времени экономического расцвета Торопца.

Итак, в сборнике о Торопецкой иконе использован текст Степенной книги. Однако несмотря на заявленное в заглавии компиляции точное следование своему источнику («...выписано из родословной Степенной книге»), здесь мы встречаем ряд отклонений от Степенной книги, причем некоторые из них весьма значительны²⁶. В первой выписке (из 2-й и 3-й глав I грани) идет речь о призвании Рюрика и о народах, плативших дань варягам. Автор нашей компиляции попытался сопоставить древние народы с современными ему группами населения. Так, чудь он отождествил с немцами, словен с новгородцами, а кривичей — с торопчанами. По-видимому, только для последнего отождествления ему и понадобилось выписывать довольно пространственный рассказ о призвании варягов. Здесь следует иметь в виду мнение автора о том, что в древности Торопец назывался «град Кривита», о чем он упомянул в заглавии своей компиляции. Следующая выписка, источником которой стал текст 41-й главы I грани, повествует о походе князя Владимира Киевского против печенег, она никак не связана с историей Торопца. Далее следует обширная выписка из Жития Евфросинии Полоцкой, которая составляет 11-ю главу V грани Степенной книги. Порой выписывая дословно, порой пересказывая своими словами, автор компиляции повествует о рождении, воспитании и пострижении в монахини св. Евфросинии, о строительстве второго каменного храма в ее монастыре, причем сам монастырь назван Свято-Михайловским — этой подробности в тексте Степенной книги нет²⁷. Наконец, описаны посольство от Евфросинии к византийскому императору с просьбой прислать в Полоцк одну из трех написанных евангелистом Лукой богородичных икон и выполнение императором этой просьбы. В Полоцк была прислана чудотворная икона из Эфеса. Повествование о Евфросинии Полоцкой завершается выпиской о ее предсмертном паломничестве в Святую землю. Следующая выписка сделана из 1-й главы VII грани, в ней повествуется о женитьбе Александра Невского на дочери полоцкого князя Брячислава, которая состоялась в Торопце. К тексту Степенной книги автор компиляции сделал одно существенное дополнение: «Тогда же княжна Брячиславля дочь, ис Полоцька взяв с собою на брак вышеписанный образ Ефеский Пресвятыя Богородицы, прои [...] я третий, писанный святым евангелистом Лукою, и постави его в торопецкой соборной церкви, еже и доньне тамо с верою приходящим неоскудно исцеление подает» (л. 68 об.). Этого текста в Степенной книге нет, он был искусно интерполирован в цитату из Степенной книги. Следующие две выписки (из 2-й главы VIII грани и 6-й главы XVII грани) касаются военных действий разного времени в районе Торопца — Александра Невского и войск Ивана Грозного во время Ливонской войны. В обоих случаях к тексту выписок из Степенной книги было присоединено указание, что победы совершились благодаря Торопецкой чудотворной иконе²⁸: «молитвы ради Пресвятыя Богородицы честнаго радя Ея образа Корсунския» (л. 70 об.), «молитвами святыя Богородицы Одигитрия, нарицаемья честнаго образа Корсунския» (л. 71).

В рассматриваемом тексте искажение цитат имеет принципиальное значение. Если бы все цитаты были приведены в своем первоначальном виде, в результате не получилось

бы цельного повествования. С другой стороны, изложенная без ссылок на авторитетный источник легенда о происхождении Торопецкой иконы не имела бы должной убедительной силы. Здесь же мы видим подборку цитат из Степенной книги, и сомневаться в достоверности приводимых сведений у читателя как будто нет оснований. Изложенная при помощи цитат из Степенной книги версия происхождения торопецкой богородичной иконы не лишена противоречий. И главное из них в том, что торопецкая икона исторически называется Корсунской, т. е. она должна восходить к образу Богоматери, якобы привезенному крестителем Руси князем Владимиром из Корсуни (Херсонеса Таврического). Этот образ согласно позднесредневековой традиции находился в кремлевском Успенском соборе, списки с него или одноименные иконы в XVII в. были распространены в России в целом, а в псковской земле в особенности. Так, кроме торопецкой известны еще псковская и изборская иконы Корсунской Богоматери, а также нежинская, написанная в Пскове в первой половине XVIII в.²⁹ Привезенная из Византии для Евфросинии Полоцкой икона в Житии святой названа Эфесской, т. к. происходила из Эфеса. К Херсонесу она никакого отношения не имеет³⁰. Как показано выше, в прибавлениях к извлеченным из Степенной книги чтениям автор нашей компиляции называет икону то Эфесской, то Корсунской. Очевидно, что речь идет о разных иконах — Эфесской полоцкой и Корсунской торопецкой. Отождествить их вознамерился автор рассматриваемой компиляции, и на такую мысль его навело чтение Степенной книги. Действительно, на основании известий Степенной книги подобное отождествление представляется если не очевидным, то по крайней мере вероятным. Для Евфросинии Полоцкой из Византии на Русь привозят чудотворную икону Богоматери, которую та устанавливает в монастырском храме в Полоцке. Через несколько десятилетий полоцкая княжна (родственница Евфросинии, т. к. последняя сама была полоцкой княжной) приезжает в Торопец и выходит там замуж за Александра Невского, святого князя. Спустя столетия в Торопце единственной древней реликвией оказывается чудотворная икона Богоматери. Естественно предположить, что в Торопце оказалась Эфесская икона. Подчеркну, что такой ход мысли возможен только на основании известий Степенной книги, т. к. летописи не содержат Жития Евфросинии Полоцкой. И здесь ключевым моментом становится фигура Александра Невского. Полоцкая княжна приехала в Торопец, чтобы выйти замуж за него, будущего святого и небесного покровителя Русского государства. Этот акт в глазах человека XVIII столетия, по-видимому, мог и даже должен был сопровождаться неким значительным поступком со стороны невесты, которая тем самым становилась достойной своего жениха. С другой стороны, столь важный этап в жизни человека, как женитьба, в биографии Александра Невского следовало отметить особенно. Не нужно упускать из виду и местный патриотизм торопецких жителей, которые в первой половине XVIII в. весьма преуспевали на торговом поприще. Не так уж богата история Торопца замечательными событиями, чтобы ее любитель равнодушно и беспристрастно отнесся к факту женитьбы в Торопце Александра Невского. Скорее напротив, именно это событие могло рассматриваться торопчанами в качестве центрального в истории их города.

В связи с сюжетом о женитьбе Александра Невского необходимо рассмотреть предположение С. И. Масленицына, который «венчальную» икону Александра Невского отождествляет с Федоровской иконой Богоматери³¹. Действительно, некоторые детали Повести о Федоровской иконе как будто свидетельствуют в пользу такого предположения. Федоровская икона, согласно Повести, была обретена в 1239 г., а это год женитьбы Александра Невского. Обретший ее костромской князь Василий Квашня (в реальности

живший позднее) в Повести назван сыном Георгия-Ярослава Всеволодовича и внуком Александра Невского. Следовательно, Повесть, хоть и косвенно, связывает икону с именами Александра Невского и его отца Ярослава Всеволодовича. Далее выясняется, что икона изначально находилась в Городце (в Федоровском монастыре), а в этом городе, как известно, скончался Александр Невский. И, наконец, на оборотной стороне Федоровской иконы изображена Параскева-Пятница (это уникально для центральной Руси) — невесту Александра Невского некоторые церковные историки XIX в. называют Прасковьей. Отсюда С. И. Масленицын делает вывод, что Федоровскую икону заказал Ярослав Всеволодович к женитьбе своего сына Александра Невского, который впоследствии возил эту икону с собой, в результате чего она и оказалась в Городце — месте кончины Александра Невского. В этой на первый взгляд безупречной конструкции есть, однако, свои слабые звенья. С. И. Масленицын неизменно черпает информацию из источников позднего происхождения. Так, о происхождении Федоровской иконы из Городца говорится только в Повести о Федоровской иконе, первоначальная редакция которой впервые появилась в Четых-Минях Иоанна Милотина середины XVII в. При составлении Повести привлекались как летописные источники, так и Житие Александра Невского редакции Ионы Думина. Комбинируя их известия, автор Повести соединил рассказ о гибели князя Георгия Всеволодовича от татар и разорение Городца³². В Житии Александра Невского Городец как место кончины героя Жития занимает особое положение. Кроме того, Городец — единственный город Поволжья, отмеченный в тексте Жития, что для созданной в Костроме Повести могло иметь значение. Вполне возможно, что на появление в Повести Городца оказало влияние Житие Александра Невского. Так, городецкие купцы, обнаружив Федоровскую икону в Костроме, восклицают: «незаходимое солнце заиде и отъиде от нас»³³. Эта фраза близка к словам, которые в Житии Александра Невского произнес митрополит Кирилл в тот момент, когда князь скончался в Городце: «Днесь земли Руския солнце уже заиде»³⁴. В дальнейшем роль Городца была усилена в Китежской легенде, там получил развитие также сюжет с перенесением Федоровской иконы и основанием в Городце монастыря. Федоровский монастырь в Городце — определенно позднее явление. Достоверные данные о нем появляются лишь с конца XVII в. Здесь вероятнее предположить влияние легенды о происхождении Федоровской иконы на наименование монастыря, а не наоборот, как это делает С. И. Масленицын.

1239 г. как дата явления Федоровской иконы в Повести мог быть выбран исходя из того, что согласно летописным сообщениям в этом году совершилось перенесение мощей князя Георгия Всеволодовича из Ростова во Владимир. По Повести, Федоровскую икону также торжественно перенесли. Не удивительно, что даты этих церемоний совпали (других подобных мероприятий в ближайшее после татарского разорения время летописи не знают). В поисках подходящей даты обретения и перенесения иконы автор Повести должен был обратить внимание на единственное подобное мероприятие этого времени — перенесение мощей Георгия Всеволодовича. Обратим внимание, что Василий Квашня в Повести назван сыном Георгия-Ярослава Владимирского и внуком Александра Невского, хотя в реальности он был сыном Ярослава и братом Александра. Имя Георгия здесь явно лишнее. Полагаем, что оно появилось не случайно и свидетельствует об историческом прообразе сюжета с обретением и перенесением Федоровской иконы. Само наименование иконы Федоровской в Повести никак не связывается с Ярославом Всеволодовичем. Из Повести следует, что икона названа так по собору Федора Стратилата в Костроме, где она долгое время пребывала. Объяснение вполне убедительное и исчерпывающее,

что для насыщенной легендарным контекстом Повести — редкость. Наконец, невесту Александра Невского называют Прасковьей только церковные авторы XIX в. Никаких указаний на это древние источники не содержат. Согласно описи княжеских погребений владимирского Княгинина монастыря, где жена Александра Невского была похоронена, ее звали Александрой, причем там не указано, что это имя монашеское (относительно жены Всеволода III такое указание присутствует). Существование у жены Александра Невского еще одного христианского имени представляется маловероятным. Почитание же Параскевы Пятницы было распространено и из пределов новгородской земли. На это указывает существование посвященных ей храмов и монастырей, о чем есть известия с начала XIII до XVIII вв.³⁵ Таким образом, доводы, приведенные С. И. Масленицыным, нельзя признать убедительными. Полагаем, что говорить о существовании венчальной иконы Александра Невского оснований нет.

Итак, беремся утверждать, что легенда о перенесении Эфесской иконы Богоматери из Полоцка в Торопец была сочинена в XVIII в. на основе Степенной книги и событий XIII в. не отражает. Отождествлять Эфесскую и Торопецкую-Корсунскую борогодичные иконы нет оснований.

¹ Шалина И. А. Богоматерь Эфесская-Полоцкая-Корсунская-Торопецкая: исторические имена и архетип чудотворной иконы // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси / ред.-сост. А. М. Лидов. М., 1996. С. 214.

² «Пречистому образу Твоему поклоняемся...». Образ Богоматери в произведениях из собрания Русского музея. СПб., 1995. С. 181.

³ Иродионов П. Исторические, географические и политические известия, до города Торопца и его округи касающиеся. Собраны из российских летописей и достоверных свидетельств того же города Покровской церкви священником Петром Иродионовым. СПб., 1778. С. 16.

⁴ Семевский М. М. Торопец, уездный город Псковской губернии. 1016–1864 г. Очерк М. И. Семевского. СПб., 1864. С. 6. Прим.

⁵ Щукин В. Д. Корсунско-Богородицкий собор в городе Торопце Псковской епархии. Заметки настоятеля собора свящ. Владимира Дмитриевича Щукина. СПб., 1894. С. 97.

⁶ Побойнин И. И. Торопецкая старина. Исторические очерки города Торопца с древнейших времен до конца XVII в. Исследование Ивана Побойнина / ОИДР. М., 1902. С. 122.

⁷ Побойнин И. И. Торопецкая старина. Исторические очерки города Торопца с древнейших времен до конца XVII в. Исследование Ивана Побойнина / ОИДР. М., 1902. С. 123–124. И. Побойнин привел еще одно добавление к тексту Степенной книги, касающееся помощи Эфесской иконы при победе Александра Невского над Литвой, а также отметил, что есть и другие (Побойнин И. И. Торопецкая старина. Исторические очерки города Торопца с древнейших времен до конца XVII в. Исследование Ивана Побойнина / ОИДР. М., 1902. С. 124).

⁸ Побойнин И. И. Торопецкая старина. Исторические очерки города Торопца с древнейших времен до конца XVII в. Исследование Ивана Побойнина / ОИДР. М., 1902. С. 122.

⁹ Макарий (Булгаков), митр. История русской церкви: в 8 кн. М., 1995. Кн. 2. С. 329; Словарь исторический о святых, прославленных в российской церкви и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых. СПб., 1862. С. 89 и др.

¹⁰ Вздорнов Г. И. Живопись // Очерки русской культуры XIII–XV вв.: в 2 ч. М., 1970. Ч. 2. Духовная культура. С. 261.

¹¹ Лаурин В. К. Новые атрибуции произведений псковской иконописи // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1989. М., 1990. С. 187–188.

¹² Особняком стоит мнение Никифораки, которая на основании обследования иконы в инфракрасных лучах предложила датировать ее XII веком. (Никифораки Н. А. ЭОП и атрибуция произведений искусства // Искусство. 1966. № 10. С. 49–51). Это предположение было аргументированно опровергнуто О. В. Голубевой (Голубева О. В. Исследование икон XIII–XIV вв. из собраний Русского музея // Технологические исследования в Русском музее за 20 лет: сб. науч. ст. СПб., 1994. С. 17–19).

¹³ Шалина И. А. Богоматерь Эфесская-Полоцкая-Корсунская-Торопецкая: исторические имена и архетип чудотворной иконы // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси / ред.-сост. А. М. Лидов. М., 1996. С. 223.

¹⁴ Шалина И. А. Богоматерь Эфесская–Полоцкая–Корсунская–Торопецкая: исторические имена и архетип чудотворной иконы // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси / ред.-сост. А. М. Лидов. М., 1996. С. 212.

¹⁵ Например, важным представляется замечание, что находившаяся в XVII в. в Полоцке богородичная икона, принимаемая за Эфесскую, в частности, Симеоном Полоцким, в реальности была принесена в Полоцк при Иване III (Шалина И. А. Богоматерь Эфесская–Полоцкая–Корсунская–Торопецкая: исторические имена и архетип чудотворной иконы // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси / ред.-сост. А. М. Лидов. М., 1996. С. 210–211).

¹⁶ Романова А. А. Чудо о иконе Богоматери Корсунской Торопецкой // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 2004. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4. Т–Я. Дополнения. С. 264–265.

¹⁷ РНБ. Ф. 359 (Н. Я. Колобов). 143. Далее в тексте в скобках указываются листы.

¹⁸ Филигрань Pro Patria с контрамаркой «АЕ» — вид: Участкина 792 (1756 г.), 793 (1757 г.)

¹⁹ В первой половине XVIII в. неоднократно издавалась «История Царьградская», повествующая о захвате турками Константинополя, но там нет соответствий цитате из «Графовой истории».

²⁰ Сиренов А. В. Степенная книга: история текста. М., 2007. С. 94–95, 484–485.

²¹ РНБ. Ф. Н. М. Михайловского. Q. 241.

²² ГАТО. Ф. 1409. Оп. 1. № 11.

²³ РНБ. НСРК. Ф. 321.

²⁴ Сиренов А. В. Степенная книга: история текста. М., 2007. С. 410–413.

²⁵ Покровский Н. Н., Журавель О. Д., Сиренов А. В. Археографическое предисловие // Степенная книга по древнейшим спискам. М., 2007. Т. 1. С. 14.

²⁶ Эта особенность отмечена И. Побойниным (Побойнин И. И. Торопецкая старина. Исторические очерки города Торопца с древнейших времен до конца XVII в. Исследование Ивана Побойнина / ОИДР. М., 1902. С. 123–124) и А. А. Романовой (Романова А. А. Чудо о иконе Богоматери Корсунской Торопецкой // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 2004. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4. Т–Я. Дополнения. С. 265).

²⁷ Возможно, перед нами попытка автора компиляции отождествить второй основанный Евфросинией Полоцкой монастырь с существовавшим некогда в Полоцке Михайловским-Городецким монастырем (см.: Заеринский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи: в 3 т. СПб., 1897. Т. 3. С. 94. № 1744).

²⁸ При описании военных действий XVI в. к тому же указана дата «в лето же 7070», отсутствующая в тексте Степенной книги.

²⁹ Богоматерь. Полное иллюстрированное описание Ее земной жизни и посвященных Ее имени чудотворных икон / под ред. Е. Поселянина. СПб., 1909. С. 633–637, 640, 643.

³⁰ В. Д. Щукин пытался устранить это противоречие, произвольно предположив, что к Евфросинии Полоцкой иконе везли из Византии через Херсонес, где она могла краткое время находиться и получить наименование Корсунской. И. Пробойнин полагал, что в Древней Руси корсунскими называли византийские или вообще искусно написанные иконы («корсунская» — значит «хорошая»). К этому же мнению склоняется и И. А. Шалина. Нельзя не отметить его бездоказательность.

³¹ Масленицын С. И. Икона «Богоматери Федоровской» 1239 г. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1976. М., 1977. С. 155–166.

³² Сиренов А. В. Житие Георгия Всеволодовича и Китежский летописец // Исследования по истории средневековой Руси. К 80-летию Ю. Г. Алексеева. М.; СПб., 2006. С. 464–465.

³³ Сказание о явлении и чудесах Федоровской иконы Богоматери // Вестник археологии и истории: 23 вып. СПб., 1909. Вып. 19. С. 215.

³⁴ Житие Александра Невского редакции Ионы Думина // Степенная книга по древнейшим спискам. М., 2008. Т. 2 (в печати).

³⁵ Например, известная Пятницкая церковь начала XIII в. в Чернигове, упоминания с XV–XVI вв. Пятницких монастырей в Полоцке, Подмоскowie и др. Если существовали Пятницкие храмы, то были и иконы Параскевы Пятницы. Образ на Федоровской иконе — один из них.